

DOI 10.32342/2523-4463-2017-0-13-75-80

УДК 821.161.1

С.В. ШЕШУНОВА,

*доктор филологических наук,
профессор кафедры лингвистики*

Государственного университета «Дубна» (г. Дубна, Российская Федерация)

РАССКАЗ И.С. ШМЕЛЕВА «ЧУЖОЙ КРОВИ» И ТЕМА РУССКО-НЕМЕЦКОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ

Рассказ И.С. Шмелева «Чужой крови» (1918–1923) и воплощенное в нем представление писателя о русской и немецкой ментальности рассматриваются в историко-литературном контексте. Автор выявляет в рассказе этнические стереотипы, а также аллюзии на различные произведения русской литературы XIX в. Главный герой рассказа Иван сопоставляется также с персонажами сатирических сказок Шмелева, осмысляющих причины и следствия вовлеченности русского народа в революцию. Обратившись к историческому контексту произведения, автор статьи интерпретирует рассказ «Чужой крови» как воплощение русского мифа о неизменно благополучном Западе; созданная Шмелевым картина немецкой жизни времен Первой мировой войны по контрасту сопоставляется с изображением той же эпохи в романе Э.-М. Ремарка «На Западном фронте без перемен».

Ключевые слова: русско-немецкая межкультурная коммуникация, этнические стереотипы, Первая мировая война в литературе.

Рассказ «Чужой крови» (1918–1923), повествующий о жизни пленного русского солдата в немецкой деревне, был сразу же высоко оценен в рецензии Р.Б. Гуля: «Ни одного лишнего слова. Всё пригнано, всё к месту. Чувствуется большой художественный такт большого мастера. Как зарисованы немцы! Как верен военнопленный гвардейский солдат Иван! Эту вещь читаешь, не отрываясь» [цит. по: 1, с. 153]. Через семьдесят лет с не меньшей похвалой отозвался о том же тексте А.И. Солженицын: «Замечательно удачный рассказ <...>. Безукоризненно точное сопоставление и столкновение русского и немецкого характеров» [2, с. 46].

Герой рассказа Иван Грачев действительно представлен как типичный русский; один из немцев видит в нем «*прекрасно выраженный экземпляр славянского типа*» [3, с. 552], другой употребляет его имя как нарицательное: «*Говорят, новую партию прислали русских Иванов на работы*» [3, с. 552]. Рассмотрим авторскую концепцию национального характера в литературном и историческом контексте.

Русская литература XIX века отразила один из самых распространенных этнических стереотипов – представление о немцах как людях исключительно трудолюбивых, но скучных. «Характеристики немецкого национального характера весьма устойчивы и повторяются в фольклоре и у разных писателей. <...> Показательно признание немецкой работоспособности, аккуратности в сфере ремесла и быта – и насмешка над нравственной узостью, духовной ограниченностью, рационализмом» [4, с. 126]. Шмелев во многом следует этой устойчивой традиции. Так, Иван скептически оценивает неизменную деловитость всех членов семьи многодетного фермера Брауна, на которого он работает: «*С зари до зари шмурыжите, никакого удовольствия никому. Черти в аду так маются!*» [3, с. 537].

Глагол «шмурыжить», которым герой в данном случае обозначает бесконечные хлопоты ради практического результата, противостоит в его речи глаголу «гулять». Прощаясь

с жизнью, Иван бросает в пруд заветный рубль со словами: «*Пущай... гуляет!*» [3, с. 551–552]. Эта реплика не случайно повторяется в рассказе дважды: глагол «гулять» показателен для русской языковой картины мира, и разные его значения «объединяются идеей свободы выбора, отсутствия стеснений и необходимости выполнять скучную, рутинную работу» [5, с. 85]. По контрасту, немец видит в упомянутом широком жесте Ивана признак помешательства: «*У него уже помутилось... – показал на голову Браун. – Он зашвырнул в пруд свой серебряный рубль, две марки!*» [3, с. 552].

Если для Брауна серебряный рубль важен своей валютной стоимостью, то для Ивана дорог как напоминание о родине: «*Сидел Иван на точильной плите, позванивал в раздумье заветным рублем о камень. Прислушивался к серебряному звону. Наводил этот тонкий звон на думы ему родное*» [3, с. 547]. Как показала Т.А. Махновец, концепт «родное» обладает особой значимостью в целом ряде произведений Шмелева [6, с. 56–79]. Отметим также, что серебряный рубль Ивана представляет собой душевную, а не материальную ценность – подобно золотому рублю Мартына-плотника в более поздней повести Шмелева «Богомолье». Как Мартын перед смертью спрятал заветный золотой, напоминавший ему о встрече с царем, – «*от себя в душу схоронил*» [7, с. 399], так и Иван по-своему «схоронил» заветный серебряный рубль, бросив его в воду.

В рассказе «Чужой крови» отмечается наличие у немцев и отсутствие у русского человека чувства меры:

*Унял Браун компанию, сказал мирно:
– Не надо переходить меру* [3, с. 548].

*– Не знаешь ты меры, Иван, – вот и потерял силу. <...>
Едва выговорил Иван:
– Пле...вать* [3, с. 550].

Иван ощущает свою чуждость заведенному порядку немецкой жизни. Размышляя о том, что с немцев «*надо бы сбить <...> шапку*», он вглядывается в их налаженный быт и приходит к выводу: «*Не собьешь, – машина!*» [3, с. 538]. Как и обозначенные выше оппозиции, сопоставление западноевропейского уклада с машиной отвечает этническим стереотипам; так, И.А. Гончаров, посетив в 1852 г. Лондон, уподоблял машине повседневному бытию в Англии [8, с. 255–256]. Однако у Гончарова определение «машина» применяется к индустриальному обществу, где писатель отмечает присутствие множества технических новинок, а у Шмелева – к традиционному, весьма патриархальному крестьянскому укладу семьи Браунов.

На самодовольное утверждение Брауна о том, что в основе немецкой жизни лежит культура, Иван отвечает:

*– Культур-культур! А скушно?!
Не понимал немец: скушно?* [3, с. 537].

Рассмотрим этот обмен репликами в литературном контексте. Интертекстуальный аспект прозы Шмелева не раз становился предметом обстоятельных исследований [9; 10], однако рассказ «Чужой крови» в этом отношении не привлекал внимания. Между тем приведенная цитата представляет собой аллюзию на разговор русского и немецкого мальчиков в цикле очерков М.Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом» (1880):

*Мальчик без штанов. Изволь, немец, скажу. Но прежде ты мне скажи, отчего ты так скушно говоришь?
Мальчик в штанах. Скушно?
Мальчик без штанов. Да, скушно* [11, с. 59].

Как и Браун, щедринский «мальчик в штанах» указывает на достижения своей нации: «*Мы немцы, имеем старинную культуру...*» [11, с. 66]. Он предостерегает, что пренебре-

жение этими ценностями делает его собеседника уязвимым: «*Берегитесь, русский мальчик!*» [11, с. 66]. Когда у Салтыкова-Щедрина русский мальчик говорит: «*Погоди, немец, будет и на нашей улице праздник!*» [11, с. 65], мальчик в штанах отвечает: «*Никогда у вас ни улицы, ни праздника не будет*» [11, с. 65]. Аллюзия на этот разговор из очерков «За рубежом» возникает и в финале рассказа «Чужой крови»:

Накатило досадой, и сказал немцу Иван:

– Всё умею... Всё бы ваше хозяйство справил... плевать.

Покачал Браун головой <...>.

– Нет. Не справит тебе, Ифан. Ты... ты картофельный голёва, Ифан. <...> Не картофельный голёва так не кончает [3, с. 551].

Мотив скуки главного героя («А скушно?!») сближает рассказ «Чужой крови» с двумя сатирическими сказками Шмелева, написанными во время гражданской войны – «Всемога» и «Преображенец» (1919). Их герои, матрос Всемога и безымянный солдат Преображенского полка (он, как и Иван, гвардеец) испытывают тягостное томление души, о котором в обеих сказках сообщается одинаково: «...*вдруг заскучал и заскучал*» [3, с. 567; 3, с. 583]. В сказке «Всемога» скука становится первопричиной участия героя в революции, в «Преображенце» возникает от пресыщенности плодами такого участия. Мотив скуки выступает здесь не просто как нарративный фактор – в таком качестве он возникал в русской литературе, начиная с романа «Евгений Онегин» [12], – но и как устойчивая характеристика духовного состояния рядовых деятелей революции 1917 г. В этом герои Шмелева родственны красногвардейцам из поэмы А.А. Блока «Двенадцать» с их тоской: «*Скука скучная, / Смертная!*».

Сюжет рассказа «Чужой крови», на первый взгляд, с революцией не связан: измаявшись в Германии тоской и скукой, Иван берется доказать немцам свое физическое превосходство, надрывается от поднятия тяжести и через день умирает. Отметим, однако, что случается это, когда для героя наступает «*третий май немецкого плена*» [3, с. 544], в плену же он оказался «*в Августовских лесах, по осени*» [3, с. 532], то есть во время битвы под польским городом Августов, проходившей осенью 1914 г. Таким образом, развязка рассказа приходится на май 1917 г., когда в России уже свершилась Февральская революция. Как раз в это время герой сказки «Преображенец» борется со скукой «*на полной своей свободе*» [3, с. 567] – разоряет дворцы, издевается над животными в зоосаде, грабит «буржуев». При описании этих его развлечений Шмелев использует тот же глагол *гулять*, о значимости которого в рассказе «Чужой крови» говорилось выше: «*Гулял-гулял и до того догулялся, что уже невозможно стало ему ходить*» [3, с. 568]. В отличие от Ивана Грачева, безымянный солдат в сказке «Преображенец» не умирает от последствий своего безрассудства. Но легко можно представить, что если бы Ивану удалось вернуться в Россию, он глушил бы свою скуку теми же средствами, что и персонаж этой сказки: «*Уж чего-чего не пытал гвардеец преображенский: и стекла сапогом бил... и суконце господское в вагонах обдирать принимался, <...> а настоящей радости нет и нет!*» [3, с. 567]. В душе Ивана таится такой же потенциал разрушения, который вырывается наружу в действиях преображенского солдата. Об этом свидетельствуют, например, его мечты лишить девственности Терезу после отъезда на фронт ее жениха Генриха; несмотря на то, что нежная «овечка» Тереза нравится Ивану, он рассуждает о ней грубо: «*Вот уедет этот – позову в хмельник, разобью посуду! Пусть отпразднует свой девшиник...*» [3, с. 546].

В отличие от более поздних сочинений Шмелева, рассказ «Чужой крови» воспроизводит внутренний мир простого русского человека начала XX столетия как мир совершенно безрелигиозный. Иван наделен многими достоинствами, в том числе способностью к языкам, а также весьма тонким чувством красоты, которое, по мнению Терезы, приближает его к немцам: «*Вы для меня остановились, чтобы нарвать маргариток! Нет, вы не дикий русский Иван, вы совсем наш, Иоганн. Из вас будет хороший немец...*» [3, с. 542]. Браун называет его «*добрым Иваном*» и «*золотым работником*» [3, с. 552]. Однако при всей своей физической силе и несомненной одаренности Иван лишен внутреннего стержня; он плывет по волнам своих желаний и эмоций, какими бы те ни были – добрыми, поэтичными

(как в эпизоде с маргаритками), низменными и грубыми (как в случае, когда он учит Тильду непристойным словам) или даже самоубийственными. Его утверждение «*Всё умею...*» [3, с. 551] почти дословно совпадает с заверением матроса Всемоги: «*Всё-то я знаю, всё-то я умею...*» [3, с. 583]. Закономерно, что и гибель Ивана подобна нелепой смерти Всемоги, олицетворяющей в одноименной сказке самоуничтожение русского народа в революции.

В поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» бывший каменщик Трофим говорил странникам, что «*тоже хвастал силою, / Вот Бог и наказал*» [13, с. 246]: из самолюбия этот персонаж не отказался поднять огромный груз, предложенный приказчиком.

*Глядит подрядчик, дивится <...>:
«Ай, молодец, Трофим!
Не знаешь сам, что сделал ты:
Ты снес один по крайности
Четырнадцать пудов!»* [13, с. 247]

Иначе говоря, Трофим поднял 229,32 кг. Герой рассказа «Чужой крови», стремясь удивить немцев русской силой, намного превзошел своего некрасовского «предшественника» – пронес по двору пять пятипудовых мешков [3, с. 549], то есть 409,5 кг. Неудивительно, что Иван умер, если даже Трофим, поднявший на 180 кг меньше, с трудом выжил и остался инвалидом.

К столь самоубийственному поступку героя Шмелева подтолкнуло самодовольное веселье немцев, отмечавших приезд обоих сыновей Брауна с фронта в отпуск. «*Съели гости целого кабана, гусей две пары и кроликов два десятка. Выпили сорок литров пива и четыре бутылки шнапса. Сытые и веселые ходили*» [3, с. 545]. В повествовании подчеркнуто, что немцы упиваются своим благополучием и непрерывными военными победами [3, с. 544]. Вполне естественно, что пленному солдату тяжело это наблюдать, и он пытается хотя бы немногими доступными ему средствами противостоять торжествующим врагам его страны.

Однако в реальности к весне 1917 г. («*третий май немецкого плена*» Ивана) измотанная войной Германия давно уже голодала, а ее обреченность на поражение была очевидна. В романе Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» (1929) рассказчик так описывает свой армейский рацион: «*На завтрак – лепешки из брюквы, на обед – винегрет из брюквы, на ужин – котлеты из брюквы*» [14, с. 39]; «*Мы <...> отощали и изголодались. Нас кормят так плохо и подмешивают к пайку так много суррогатов, что от этой пищи мы болеем*» [14, с. 303]. В мемуарах Э. Юнгера еда его однополчан так же скудна: «*...если неизменная последовательность из брюквы, перловки и сушеных овощей нарушалась лапшой или фасолью, то лучшего было и не нужно*» [15, с. 259]. В рассказе «Чужой крови» Фриц и Генрих, весной 1917 г. приезжая с фронта на побывку, беззаботно веселятся; на них не видно никаких следов лишений. По контрасту, воюющие герои Ремарка испытывают такую усталость и опустошенность, что уже не способны радоваться, приезжая домой: «*На фронте мне всё было безразлично <...>, теперь же всё во мне – сплошная боль <...>. Не надо мне было ехать в отпуск*» [14, с. 205–206].

Таковы немцы времен Первой мировой войны, увиденные немецкими глазами. Но в изображении Шмелева они неизменно сыты и довольны. В этом аспекте рассказ «Чужой крови» созвучен тем строкам эпopeи «Солнце мертвых» или романа «Няня из Москвы», которые представляют Запад как царство стабильного и самодовольного благополучия. Примечательно, что в рассказе ни разу не упомянуты военные потери немцев, словно никто в деревне, где работает Иван, за три года не получал с фронта похоронных известий (для сравнения, в упомянутом романе Ремарка к концу войны погибают все персонажи, включая самого рассказчика). В этом отношении рассказ «Чужой крови» является воплощением русского мифа о не знающем страданий и трагедий, а потому и недостаточно одухотворенном Западе.

Однако повествователь не дает в этом рассказе какой-либо оценки персонажам и их действиям; происходящее показано в основном глазами Ивана, а если от лица автора – то без комментариев. Шмелев выступает здесь как чистый художник, а не как идеолог или

моралист. Видимо, это обстоятельство и позволило рассказу «Чужой крови» стать одним из самых художественно сильных произведений писателя.

Список использованных источников

1. Сорокина О.Н. Москвиана: Жизнь и творчество Ивана Шмелева / О.Н. Сорокина. – М.: Московский рабочий, 2000. – 408 с.
2. Солженицын А.И. Иван Шмелёв и его «Солнце мёртвых» / А.И. Солженицын // Венюк Шмелёву / ред.-сост. Л.А. Спиридонова, О.Н. Шотова. – М.: Аванти, 2001. – С. 46–54.
3. Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 5 т. / И.С. Шмелев. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 8 (доп.): Рваный барин: Рассказы. Очерки. Сказки. – 608 с.
4. Папилова Е.В. Немцы глазами русских в художественной словесности XIX века / Е.В. Папилова. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 136 с.
5. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
6. Маховец Т.А. Концепция мира и человека в зарубежном творчестве И.С. Шмелева / Т.А. Маховец. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2004. – 146 с.
7. Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 5 т. / И.С. Шмелев. – М.: Русская книга, 1998. – Т. 4. Богомолье: Романы. Рассказы. – 560 с.
8. «Я берег покидал туманный Альбиона...»: Русские писатели об Англии. 1646–1945 / Подгот. О.А. Казнина, А.Н. Николюкин. – М.: РОССПЭН, 2001. – 648 с.
9. Коршунова Е.А. Между классикой и модерном: традиция и интертекстуальность в поэтике прозы Ивана Шмелева / Е.А. Коршунова. – Харьков: ФОРМ БРОВИНА А.В., 2013. – 216 с.
10. Дзыга Я.О. Творчество И.С. Шмелева в контексте традиций русской литературы / Я.О. Дзыга. – М.: БУКИ ВЕДИ, 2013. – 348 с.
11. Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Гослитиздат, 1950. – 320 с.
12. Якимова Л.П. Мотив скуки как нарративный фактор русской литературы / Л.П. Якимова // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 534–552.
13. Некрасов Н.А. Избранное / Н.А. Некрасов. – М.: Правда, 1979. – 430 с.
14. Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен / Э.М. Ремарк; пер. с нем. Ю.Н. Афонькина. – М.: Изд-во АСТ: Астрель, 2013. – 317 с.
15. Юнгер Э. В стальных грозах / Э. Юнгер; пер. с нем. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – 328 с.

References

1. Sorokina, O.N. *Moskoviana: Zhizn' i tvorchestvo Ivana Shmeleva* [Moscowiana: the Life and Ivan Shmelev's work]. Moscow, Moskovskij rabochij Publ., 2000, 408 p.
2. Solzhenitsyn, A.I. *Ivan Shmel'ov i ego "Solnce m'ortvykh"* [Ivan Shmelev and his "The Sun of the Dead"]. *Venok Shmel'ovu* [A wreath to Shmelev]. Moscow, Avanti Publ., 2001, pp. 46-54.
3. Shmelev, I.S. *Sobranie sochinenij: V 5 t.* [The complete edition: In 5 vol.]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 2000, vol. 8 (add.) *Rvanyj barin: Rasskazy. Ocherki. Skazki* [Fragmentary barin: Stories. Sketches. Fairy tales.], 608 p.
4. Papilova, E.V. *Nemcy glazami russkih v hudozhestvennoj slovesnosti XIX veka* [Germans eyes of Russian in art literature of XIX century]. Moscow, LENAND Publ., 2014, 136 p.
5. Shmelev, A.D. *Russkaja jazykovaja model' mira: Materialy k slovarju* [Russian language model of the world: Materials to the dictionary]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2002, 224 p.
6. Mahovec, T.A. *Koncepcija mira i cheloveka v zarubezhnom tvorchestve I.S. Shmeleva* [Concept of the world and the person in I.S. Shmelev's foreign work]. Yoshkar-Ola, MarGU Publ., 2004, 146 p.
7. Shmelev, I.S. *Sobranie sochinenij: V 5 t.* [The complete edition: In 5 vol.]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 1998, vol. 4. *Bogomol'e: Romany. Rasskazy* [Pilgrimage: Novels. Stories], 560 p.

8. Nikoljukin, A.N., Kaznina O.A. (ed.) *“Ja bereg pokidal tumannyj Al’biona...”: Russkie pisateli ob Anglii. 1646-1945* [“I left foggy coast of Albion...”: Russian writers about England. 1646-1945]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2001, 648 p.

9. Korshunova, E.A. *Mezhdru klassikoj i modernom: tradicija i intertekstual’nost’ v pojetike prozy Ivana Shmeleva* [Between classics and a modernist style: tradition and intertextuality in poetics of prose of Ivan Shmelev]. Har’kov, FOP Brovin A.V. Publ., 2013, 216 p.

10. Dzyga, Ja.O. *Tvorchestvo I.S. Shmeleva v kontekste tradicij russoj literatury* [I.S. Shmelev’s work in a context of traditions of the Russian literature]. Moscow, BUKI VEDI Publ., 2013, 348 p.

11. Saltykov-Shhedrin, M.E. *Za rubezhom* [Abroad]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1950, 320 p.

12. Jakimova, L.P. *Motiv skuki kak narrativnyj faktor russoj literatury* [Motive of boredom as a narrative factor of the Russian literature]. *Pojetika russoj literatury v istoriko-kul’turnom kontekste* [Poetics of the Russian literature in a historical and cultural context]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008, pp. 534-552.

13. Nekrasov, N.A. *Izbrannoe* [Select]. Moscow, Pravda Publ., 1979, 430 p.

14. Remark, Je.M. *Na Zapadnom fronte bez peremen* [On the Western Front without Changes]. Moscow, Izd-vo AST: Astrel’ Publ., 2013, 317 p.

15. Junger, Je. *V stal’nyh grozah* [In steel thunder-storms]. Saint Petersburg, Vladimir Dal’ Publ., 2000, 328 p.

Оповідання І.С. Шмелєва «Чужої крові» (1918–1923) і втілене у ньому уявлення письменника про російську та німецьку ментальність розглядаються в історико-літературному контексті. Автор виявляє в оповіданні етнічні стереотипи, а також алюзії на різноманітні твори російської літератури ХІХ ст. Головний герой оповідання Іван зіставляється також з персонажами сатиричних казок Шмелєва, в яких осмислюються причини та наслідки залучення російського народу до революції. Звернувшись до історичного контексту твору, автор статті інтерпретує оповідання «Чужої крові» як втілення російського міфу про непохитно благополучний Захід; створена Шмелєвим картина німецького життя часів Першої світової війни за контрастом зіставляється з відображенням тієї ж доби у романі Е.-М. Ремарка «На західному фронті без змін».

Ключові слова: російсько-німецька міжкультурна комунікація, етнічні стереотипи, Перша світова війна в літературі.

The shot story «Outsider Blood» (1918–1923) by I. S. Shmelev and the idea of the writer about the Russian and German mentality are discussed in the historical and literary context. In this shot story the author of the article reveals ethnic stereotypes and allusions to various works of Russian literature of the XIX century. The story’s protagonist Ivan is associated also with the characters of satirical tales by Shmelev, interpreting the causes and consequences of involvement of Russian people in the revolution. Turning to the historical context of the work, the author interprets «Outsider Blood» as the embodiment of a Russian myth about a consistently prosperous West; Shmelev’s picture of German life during the World War I is compared in contrast with the image of the same era in the novel of «On the Western Front without Changes» by E.-M. Remarque.

Key words: Russian-German cross-cultural communication, ethnic stereotypes, the Great War in literature.

Одержано 21.11.2016